

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ЛАТИНСКОГО ЖИТИЯ СВЯТОГО ЭГИДИЯ: язык и риторика

Н.Ю. Гвоздецкая

Аннотация. В статье анализируются приемы переложения анонимного латинского «Жития святого Эгидия» (рукопись Британской библиотеки *Tiberius Div, volume 2, 84v–87r*, конец XI в.) анонимным автором древнеанглийского жития того же святого (рукопись середины XII в., *Corpus Christi College Cambridge C 303*). Ошибки в рукописи СССР 303 показывают, что писец копировал более ранний древнеанглийский текст XI в., не всегда хорошо понимая его. В целом же рукопись XII в. сохраняет большинство признаков, отвечающих норме уэссекского диалекта XI века. Лексика древнеанглийского текста включает ряд латинских заимствований, а также одно слово скандинавского происхождения. Некоторые отклонения от письменной нормы в фонетике и морфологии показывают влияние разговорной речи. Акцент на всемогуществе Божиим и на тесных личных контактах святого с Богом, не столь заметный в латинской версии, приводит к расширению эпитетов св. Эгидия по сравнению с латинским источником. Изменения в способе наррации касаются отказа от приемов античной риторики, прежде всего риторических вопросов; замены исторических деталей; расширения евангельских аллюзий. Наряду с этим древнеанглийский нарратив отличается повышением эмоционального настроя и драматизацией рассказа, в том числе за счет введения монологов и диалогов.

Ключевые слова: святой Эгидий, древнеанглийская агиография, древнеанглийский язык, средневековые латинские жития, эпитеты, античная риторика, риторические вопросы, нарративные приемы, евангельские аллюзии, драматизация рассказа.

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. Древнеанглийское переложение латинского жития святого Эгидия: язык и риторика // Преподаватель XXI век. 2023. № 3. Часть 2. С. 346–354. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-3-346-354

© Гвоздецкая Н.Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OLD ENGLISH TRANSCRIPTION OF THE LATIN HAGIOGRAPHY OF SAINT AEGIDIUS: Language and Rhetoric

N.Yu. Gvozdetskaya

Abstract. *The article analyzes the methods of transcribing an anonymous Latin hagiography of St. Aegidius (British Library manuscript Tiberius Div, volume 2, 84v-87r, late eleventh century) by an anonymous author of an Old English hagiography of the same saint (mid-twelfth-century manuscript, Corpus Christi College Cambridge C 303). Errors in manuscript CCCS 303 show that the scribe copied an earlier Old English text of the eleventh century, not always understanding it well. But overall, the twelfth-century manuscript retains most of the features consistent with the norm of the eleventh-century Wessex dialect. The lexicon of the Old English text includes a number of Latin loanwords, as well as one word of Scandinavian origin. Some deviations from the written norm in phonetics and morphology show the influence of colloquial speech. The emphasis on the omnipotence of God and on the saint's close personal contacts with God, not so noticeable in the Latin version, leads to an expansion of St. Aegidius' epithets compared to the Latin source. The changes in the method of narration concern the rejection of ancient rhetorical techniques, primarily rhetorical questions; the replacement of historical details; and the expansion of Gospel allusions. At the same time, the Old English narrative is characterized by an increase in the emotional mood and dramatization of the story, including through the introduction of monologues and dialogues.*

Keywords: *Saint Aegidius, Old English hagiography, Old English language, medieval Latin lives of saints, epithets, classical rhetoric, rhetorical questions, narrative techniques, Gospel allusions, dramatization of the story.*

Cite as: Gvozdetskaya N.Yu. Old English Transcription of the Latin Hagiography of Saint Aegidius: Language and Rhetoric. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 3, part 2, pp. 346–354. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-3-346-354

347

Введение

Святой Эгидий (около 650–720), чье имя отразилось в названии одного из районов Лондона (Sanctus Aegidius > Saint Giles), стал известен в Англии в XI в. в связи с участвовавшими контактами англосаксов с Францией. Его слава как покровителя бездомных объяснима тем, что в юности он отдал свой плащ нищему, повторив деяние св. Мартина Турского. Почитание его началось вскоре после его кончины в основанном им монастыре Сен-Жиль-дю-Гар в Провансе, хотя родился он в Афинах,

о чем говорит его имя. Первое латинское житие святого появилось в конце X в.¹ в эпоху бенедиктинского возрождения монашества, благоприятную для прославления аскета, который строго придерживался евангельских заповедей. Легенда связала его имя с династией Каролингов, сделав его духовником короля Карла (скорее Карла Мартелла, чем Карла Великого), но блеск славы императора содействовал почитанию Эгидия при парижском дворе, а его приверженность римскому престолу оказалась актуальной в пору нарастающих

¹ Подробнее об истории возникновения латинских житий св. Эгидия, как и монастыря Сен-Жиль-дю-Гар, см. в [1, с. 55–59, 70–71].

трений между Восточной и Западной церковью.

Древнеанглийское анонимное житие св. Эгидия (Кембриджское собрание рукописей, манускрипт Corpus Christi College Cambridge 303) является первым переложением предания о преподобном на народный язык. Рукопись, датируемая серединой XII в., создана на юго-востоке Англии. Некоторые погрешности писца позволяют предположить, что он копировал какую-то древнеанглийскую рукопись XI в., не всегда вполне понимая ее. Полагают, что образцом и возможным источником для этого более раннего древнеанглийского текста могло послужить вышеупомянутое латинское житие X в. (один из его списков конца XI в. сохранился в библиотеке Британского музея — Cotton Tiberius D. iv, volume 2, 84v–87r)².

Язык древнеанглийского жития несет на себе черты позднего уэссекского диалекта (ставшего письменной нормой до нормандского завоевания Англии), хотя встречается ряд написаний, которые свидетельствуют о редукции окончаний и прочих изменениях начала среднеанглийского периода. Еще одна его особенность — появление скандинавского заимствования *kyrtel/kertel* «куртка» там, где в латинском оригинале стоит *tunica* «плащ» (вариантное написание в древнеанглийской рукописи отражает бытование слова в устной речи) [там же, с. 72–77]. Данный пример говорит о том, что автор, вероятно, стремился приспособить рассказ к восприятию англосаксонской аудитории, знакомой с реалиями, проникавшими из Области датского права (мест поселения скандинавских

викингов). Другая лексическая замена — это замена имени епископа, под чьим руководством Эгидий провел два года (имя Цезарий заменено на Евсевий). Данную замену объясняют хронологической неувязкой, которая могла быть замечена англосаксонскими монахами, знакомыми с трудами Цезария Арелатского, чья деятельность на юге Франции разворачивалась значительно раньше, в первой половине VI в., а не в годы жизни Эгидия³.

Что касается композиции, то древнеанглийское переложение последовательно передает все эпизоды латинского оригинала, начиная от чудесных исцелений, совершенных Эгидием в юности, до посещения им Рима и его блаженной кончины. Центральным же эпизодом жития остается спасение Эгидием преследуемой охотниками лани, которая некогда питала отшельника своим молоком, и его знакомство с готским королем, который помогает святому основать монастырь. Внимательный читатель может, однако, заметить, что древнеанглийский аноним стремится усилить дидактическую направленность рассказа, постоянно добавляя, что все события совершаются «по Божиему промыслу», «по милосердию Божию», «через дар Святого Духа», а его герой беспрестанно этому радуется и благодарит Бога⁴. С этим, по-видимому, следует связать расширение эпитетов при именовании святого по сравнению с источником. Прилагательные *halig* и *eadig* (их латинские эквиваленты — *sanctus* «святой» и *beatus* «блаженный») ⁵ дополняются такими эпитетами, как *Godes freond* «друг Бога», *Godes deorling* «любимец Бога».

² Происхождение древнеанглийской версии жития св. Эгидия и его соотношение с возможными латинскими источниками анализируются в [2, с. 125–130].

³ Детальный анализ хронологических неувязок и вариантов имен см. в [3].

⁴ Данный акцент связывают иногда с возрастанием роли индивида в религиозной жизни Запада с конца XI–XII вв. См. [4].

⁵ Каждое из древнеанглийских прилагательных может иметь и более широкий смысл: *halig* «благочестивый» и *eadig* «досточтимый, достойный».

Подобные наблюдения позволяют поставить вопрос о смене характера риторики в анонимном древнеанглийском житии, об изменении нарративных приемов, которыми пользовался его автор с целью оказать воздействие на аудиторию. Этим изменениям посвящен наш дальнейший анализ.

Язык и риторика древнеанглийского жития святого Эгидия

Особенностью англосаксонского жития по сравнению с латинским источником является замена абстрактных характеристик конкретными деталями, более понятными местной аудитории, мало знакомой с латинским книжным стилем. Так, в переложении убран эпитет *christianissimus* «христианнейший», поясняющий в латинском тексте образ жизни родителей Эгидия; смысл его разъясняется через указание на поступки: «Воистину, они всегда стремились воздерживаться от греха и вести между собою жизнь чистую» [5, с. 113]. Подобная «расшифровка» понятия встречается особенно часто в тех случаях, когда автор переложения вместо риторических вопросов ссылается на факты⁶. Так, в рассказе о жизни монахов под началом св. Эгидия имена добродетелей (вера, надежда, любовь) заменены описанием поведения братии, показывающей эти добродетели в действии, ср.:

«Кто смог бы описать в немногих словах пламень веры, постоянство надежды, безграничность любви, царившие в его обители?» [1, с. 26].

«Ежедневно они совместно вкушали пищу в установленное время, не употребляя ни глотка вина, но отдавая его больным и нуждающимся, и многие носили

на теле власяницу, ибо полагали за грех мягкие одежды» [5, с. 120]⁷.

Иногда подобные замены сопровождаются усилением евангельских аллюзий, ср. авторскую похвалу в адрес Эгидия и его сподвижника Вередемия:

«Кто в силах изъяснить словами, сколь многими знаменами и чудесами просияли они в тех краях?» [1, с. 22].

«Всем известно, что по их молитвам слепые в той земле становились зрячими, и глухим они даровали слух, и немым речь, и калекам хождение, и очищали прокаженных, и возвращали разум безумным» [5, с. 116].

В древнеанглийском пассаже отшельники воспроизводят описанные в Евангелии действия Иисуса.

Представляется, что в ряде случаев расширение ново- и ветхозаветных аллюзий имеет целью уточнить отдельные имена или научить христианским добродетелям. Так, при почти дословном цитировании Послания к Коринфянам, содержащего ссылку на слова Христа («ибо сила Моя совершается в немощи», 2 Кор. 12: 9), латинский автор называет эти слова «ответ, данный Богом апостолу» [1, с. 25], в то время как древнеанглийский аноним уточняет: «Слова, которые Господь Наш Христос сказал апостолу Павлу» [5, с. 119]. Введение имен собственных позволяет читателю лучше понять, кого именно подразумевают слова «Бог» и «апостол». В еще одном эпизоде, согласно латинскому тексту, епископ и король, обнаружив в пещере отшельника, подошли к нему «спешившись», т. е. всего лишь сойдя с коней. Древнеанглийский автор заставляет их снять обувь в знак смирения: «Разувшись, подошли к другу Божию Эгидию и смиренно его приветствовали»

⁶ В этом иногда видят сознательную установку анонима на упрощение изысканной латинской риторики (ср. [2, с. 57]).

⁷ Древнеанглийский текст жития св. Эгидия и его предполагаемый латинский источник опубликованы в [2, с. 131–147, 198–206]. Перевод с древнеанглийского принадлежит автору статьи и опубликован в [5, с. 109–124]. Латинский текст анонимного автора цит. в переводе И.В. Кувшинской по [1, с. 19–29].

[там же, с. 118]. Здесь можно заметить аллюзию на эпизод с Неопалимой Купиной в «Книге Исхода», где пророк Моисей, пытаясь приблизиться к горящему, но не сгорающему терновому кусту, слышит слова Бога: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исход 3: 5).

Упомянутые ссылки на благодать Божию, которыми пестрит древнеанглийский текст, часто сопровождаются акцентом на эмоциональном поведении героев. Так, о встрече Эгидия с Вередемием латинский автор говорит просто: «Ведомый Богом, Эгидий встретил некоего отшельника по имени Вередемий, славного святостью и чудесами» [1, с. 22]. Англосаксонский автор не только упоминает саму встречу, но и описывает эмоции ее участников: «И вот, лишь узрел человек Божий Эгидий его [Вередемия] богоугодное житие, заключил его в объятия, и кротко поцеловал, и тотчас оба они ощутили благодать через дар Святого Духа» [5, с. 116]. Характерно в этом отношении также добавление эпитета «человек Божий».

Иногда наблюдается гиперболизация эмоций. Так, демон, покидая по молитве св. Эгидия человека, в которого некогда вселился, делает это в латинском источнике «со страшным криком и мычанием» [1, с. 20]. Согласно англосаксонскому житию, демон «ужасно завopil и страшно завыл, и горько зарыдал» [5, с. 114]. Цепочка синтаксически параллельных конструкций с синонимами усиливает впечатление, получаемое читателем от исцеления бесноватого. Столь же патетически выглядит сцена прощания Эгидия с королем Карлом. Латинский источник сообщает лишь о богатых дарах короля святому. Древнеанглийское житие включает драматический диалог между Карлом и Эгидием:

«Когда же слуга Божий собрался домой в монастырь, король начал горько плакать и сказал опечаленным голосом: “Увы! К кому могу я отныне взывать или какое утешение получать?”. Отвечал святой муж королю со слезами в голосе: “Господь, Который спасал Своих святых, да сохранит тебя от всякого зла”» [там же, с. 121].

В эпизоде исцеления дочери Феокриты (вдовы, приютившей Эгидия), латинский автор кратко сообщает о действиях святого, а его слова вводит в виде косвенной речи:

«Эгидий сказал, что ему не ведомы земные лекарства и, употребив противоядие молитвы, избавил дочь Феокриты от болезни» [1, с. 22].

Древнеанглийский автор разворачивает это сообщение в рассказ, включающий два диалога:

«Преподобный Эгидий сказал в ответ, что не знает никаких земных средств, но с радостью испробует те, что знает. Она же позвала, чтобы проводили его в покои [больной], как и сделали. Тогда человек Божий подошел к девице, простерся у ее ложа, со всем смирением моля Господа о милосердии: “Любезная сестра, от имени моего Господа приказываю тебе встать здоровой и благословить твоего Спасителя”. Девица встала с ложа и, припав к его ногам, со слезами в голосе произнесла: “Да благословится имя Господа, Кто исцелил меня сегодня по твоим молитвам”. Эгидий тотчас взял и отвел девушку к матери, сказав так: “Любезная жена, прими сей дар Христов и возблаговари Господа, что так скоро исцелил ее”. Женщина изумилась такому [скорому] исцелению и, всплеснув от радости руками, сказала: “Благо мне, благо мне, господин, что я увидела тебя собственными глазами, ибо знаю — воистину ты угодник Божий, и истинно слово Божие в устах твоих”» [5, с. 115–116].

Повеление св. Эгидия напоминает здесь повеление Иисуса в эпизоде воскрешения дочери Иаира, а сама эта сцена обладает явным драматическим эффектом. В евангельском тексте реальность происходящего подчеркивается введением прямой речи Иисуса, причем на разговорном языке той эпохи: «И, взяв девицу за руку, говорит ей: “талифа куми”, что значит: “Девица, тебе говорю, встань”» (Мк. 5: 41). В древнеанглийском житии введение диалогов словно делает читателя свидетелем сцены, заставляя поверить в ее реальность.

Драматизация рассказа достигается иногда и через косвенную речь, передающую, однако, нечто вроде внутреннего монолога персонажей. Эпизод спасения мореплавателей начинается в латинском источнике с простой констатации факта: «Эгидий увидел корабль, гонимый ударами морских валов, и отчаявшихся моряков, потерявших управление и уже тонущих в пучине» [1, с. 21]. Англосаксонский автор разворачивает это сообщение в целый период, позволяющий читателю не только услышать стенания погибающих, но и проникнуть в их внутренний мир, увидеть ситуацию их глазами, прочувствовать их сомнения, раскаяние и надежду:

«[Эгидий] увидел в море корабль, которого бушующие волны, казалось, вот-вот сокрушат, так что находящиеся на нем люди думали, что корабль их потерпит крушение. Тут позабыли они обо всех вещах, которыми владели, ибо полагали, что все это потонет на дне морском, и начали горестно стенать и сетовать, так как не сомневались, что ждет их жестокая смерть. Хотя волнующееся море бросало их то вверх, то вниз, посреди злоключений они увидели человека Божия Эгидия, простертого на берегу в молитве, и подумали, что ведь и правда, мор-

ские волны могли бы легко смириться по его молитвам» [5, с. 114].

Далее латинский автор опять-таки просто констатирует факт: «Как только Эгидий обратился к Богу с молитвой о помощи, буря немедля стихла, и корабль достиг гавани» [1, с. 21]. Англосаксонский аноним использует прямую речь, вкладывая в уста мореплавателей проникновенный монолог, в риторическом плане напоминающий благодарственные молитвы из Псалтири (в латинском тексте Псалтири — *Benedicite*, в русском — “хвалите Господа”):

«Как только несчастные мореплаватели увидели, как это могучее море стало мирным и кротким, они заплакали от радости и воздели руки к небу, и говорили так: “Благословен Ты, Господи Боже, ибо не оставляешь надеющихся на Тебя! Воистину, благословен Ты и прославлен в мире, ибо милосердно печешься об избавлении от бед рабов Твоих! Благодарим Тебя, милосердный Господи, что удостоил нас увидеть человека, который заступился за нас пред Тобой в молитвах, так что мы чудесно обрели спасение!”» [5, с. 114].

На примере жития читатель учится осознавать ценность основанных на Псалтири богослужебных текстов, которые, как оказывается, могут пригодиться не только в храме. Примечательно, что в данном эпизоде, как и в ряде выше приведенных примеров, герои древнеанглийского жития беспрерывно то радуются, то проливают слезы.

Однако и там, где древнеанглийский нарратив лишен эмоциональных речей героев, автор так строит свой рассказ, чтобы дать возможность аудитории собственными глазами увидеть происходящее, переместиться вслед за героями жития в их мир. Таков эпизод встречи на острове путешественников (среди

которых — Эгидий) с не названным по имени отшельником. Любопытно, что в древнеанглийском тексте присутствуют все элементы текста латинского, но выстроены они так, что читатель словно сам приближается к пещере отшельника, испытывая вместе с мореплавателями волнение и даже страх. Сравните:

«Стараясь не потерять их [следы на песке], моряки... подошли к келье, сокрытой среди колючих зарослей. Приблизившись к ней, путники увидели некоего мужа, читавшего у входа в келью» [1, с. 21].

«[Мореплаватели] пошли по этим следам, пока не добрались до рощицы с густыми зарослями терновника, ежевики и разного кустарника. Войдя в рощицу, они увидели перед собой пещеру, а у входа в пещеру сидел маленький человечек и читал книгу. Мореплаватели испугались, сомневаясь, добропорядочный ли он человек» [5, с. 115].

Заменяя или добавляя детали, англосаксонский аноним делает рассказ более увлекательным для читателя: вместо кельи — пещера, вместо зарослей — целая роща с поименованными растениями, и образ отшельника прописан ярче: путников, очевидно, пугает и его карликовый рост, и книга, которую он держит в руках. Да и детали эти всплывают перед взором читателя постепенно, одна за другой, как в кино.

Подобными же приемами пользуется древнеанглийский автор, рассказывая о том, как св. Эгидий нашел убежище некоего отшельника по имени Вередемий. Латинский текст сообщает факты: «Вередемий жил в расселине горы, и подняться к нему было достаточно трудно, поскольку путь преграждали острые скалы» [1, с. 22]. Древнеанглийский текст рисует одну за другой картины трудного пути Эгидия, которые подготавливают встречу двух святых, делая ее неожидан-

ной и пробуждая любопытство в читателе: чем же закончится это невообразимое странствие? Ср.:

«И вот, человек Божий Эгидий, <...> взошел по произволению Божию на высокую гору и нашел там тропу, [ведущую] ввысь: она была такой узкой и на ней было столько острых камней, что по ней с трудом можно было взобраться наверх. Однако же святой муж не пожелал оставить ее в небрежении, ибо надеялся найти наверху то, чего прежде так долго искал, и потому с верою устремился наверх. Взойдя же на вершину, обрел там, среди облаков, очень глубокую пещеру. Увидев ее, преподобный Эгидий тотчас простерся ниц и со слезами в голосе возблагодарил Господа, что уделил ему такое место для жилья, затем встал и вошел в пещеру, славя Господа. Продвигаясь дальше, он увидел пустынный ка по имени Вередемий» [5, с. 116].

В этом пассаже факты дополнены и живописными деталями пейзажа, и чем-то вроде психологического портрета Эгидия, не отступающего перед трудностями, и упоминанием его глубокой благодарности Богу.

Те же приемы драматизации видны в рассказе о посещении Эгидием Рима. Латинский автор говорит лишь о цели и результате его путешествия:

«Эгидий отправился в Рим с немногими братьями, чтобы исполнить свое давнее желание и посетить место, где Петр и Павел исповедили свою веру. Святой хотел поставить основанный монастырь под власть Апостольского престола, дабы обитель никогда не была подчинена мирским властям, не сведущим в благочестии. По утвержденному папой указу Эгидий получил эти привилегии» [1, с. 28].

Для древнеанглийского анонима важно описать молитвенный настрой святого и его трогательные взаимоотношения с главой римского престола:

«Прибыв же в Рим, он со смирением прошел в монастырь блаженных апостолов Петра и Павла и от всего сердца там помолился. После того, как вознес он Христу святые молитвы, папа принял его с большим почетом, очень обрадовавшись его приходу. Преподобный Эгидий пробыл некоторое время у папы, и папа велел ему просить у него, чего ни пожелает. Человек Божий поблагодарил его от всей души и попросил у него свободы для своего монастыря. Папа на это охотно согласился и в знак этой свободы даровал ему некую привилегию» [5, с. 121–122].

Заключение

Распространение в Англии почитания св. Эгидия, византийского отшельника VII века, основателя монастыря на юге Франции (прославившегося еще в эпоху Каролингов), было вызвано усилением контактов английской королевской династии с нормандскими герцогами в период правления Эдуарда Исповедника. В XI веке англосаксонская ученость пребывала на пике своего развития, пожиная плоды так называемого бенедиктинского возрождения монастырей в предыдущем столетии. Однако в Англии подобное возрождение предполагало не только повышение уровня образования монахов,

но и повышение грамотности более широкой публики часто незнатного происхождения, которую особенно привлекала агиография как наиболее популярный жанр средневековой литературы. Этим вызвано обилие древнеанглийских переложений континентальных латинских житий, чьи авторы часто оставались неизвестными. Англосаксонская читающая публика была незнакома с латинским книжным стилем и позднеантичной риторикой, поэтому перевод требовал трансформации нарративных приемов, которые могли бы привлечь аудиторию. Этим вызвано появление в древнеанглийском переложении жития св. Эгидия примет разговорного языка, замены и уточнения некоторых реалий и имен собственных. Самой же яркой особенностью англосаксонского жития является повышение эмоционального настроения в рассказе, его своеобразная драматизация через расширение монологов и диалогов персонажей, а также усиление евангельских аллюзий, связанное, несомненно, с дидактической направленностью текста. Результаты проведенного исследования дают возможность нового прочтения одного из мало изученных эпизодов в становлении языка английской художественной литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Святой Эгидий, византиец на Западе. Житие и почитание / ред.-сост. М.Г. Талалай. СПб., 2015. 108 с.
2. The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles / ed. by E.M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997. 219 p.
3. Fadda, A.M.L. La versione anglosassone della Vita sancti Aegidii abbatis // Romanobarbarica. 1982–1983. No. 7. P. 273–352.
4. Morris, C. The Discovery of the Individual 1050–1200. London, 1972. 216 p.
5. Гвоздецкая, Н.Ю. Преподобный Эгидий — уроженец Афин и святой Франции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2018. Вып. 56. С. 109–124.

REFERENCES

1. *Svyatoj Egidij, vizantiec na Zapade. Zhitie i pochitanie* [Saint Aegidius, a Byzantine in the West. Life and Veneration], ed.-comp. M.G. Talalai. St. Petersburg, 2015, 108 p. (in Russ.)
2. *The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles*, ed. by E.M. Treharne. Leeds, University of Leeds, 1997, 219 p.
3. Fadda, A.M.L. La versione anglosassone della Vita sancti Aegidii abbatis, *Romanobarbarica*, 1982–1983, No. 7, pp. 273–352.
4. Morris, C. *The Discovery of the Individual 1050–1200*. London, 1972, 216 p.
5. Gvozdeckaya, N.Yu. Prepodobnyj Egidij — urozenec Afin i svyatoj Francii [Venerable Aegidius — a Native of Athens and Holy France], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series III: Philology, 2018, iss.56, pp. 109–124. (in Russ.)

Гвоздецкая Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра английской филологии, Российский государственный гуманитарный университет; профессор, Сретенская духовная академия, ngvozd@yandex.ru

Natalia Y. Gvozdetskaya, ScD in Philology, Professor, Chairperson, English Philology Department, Russian State University for the Humanities; Professor, Sretensky Theological Academy, ngvozd@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2023. Принята к публикации 16.06.2023
The paper was submitted 04.05.2023. Accepted for publication 16.06.2023